
УДК 82.0(470.6)

ББК 83.3(235.7)

Я 91

Яхутль Ю.А.

Аспирант кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: partner.86@mail.ru

**Обновление традиций адыгского просветительства
в младописьменном романе (к постановке вопроса)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Исследуется идея изучения трансформации традиций адыгского просветительства в послереволюционный период истории национальной литературы. Рассматриваются работы известных адыгских писателей Т.Керашева, А. Евтыха. Установлено, что три периода просветительства на Северном Кавказе в литературе стали единой цепью поступательного развития и привели к послереволюционному периоду народной культуры и просвещения.

Ключевые слова:

Русскоязычное просветительство, сложность проблемы изучения, неоднозначность понятия, трансформация традиций, послереволюционный период, Т.Керашев, А. Евтых.

Yakhutl Yu.A.

Post-graduate student of Literature and Journalism Department, Adyghe State University (Supervisor of studies – Doctor of Philology, Professor U.M. Panesh), e-mail: partner.86@mail.ru

**Updating traditions of the Adyghean enlightenment
in the Adyghean new written-language novel (question statement)**

Abstract:

The paper discusses the idea of studying transformation of Adyghean enlightenment traditions in the post-revolutionary period of history of national literature. Works of the well-known Adyghean writers T.Kerashev and A.Evtykh are examined. It is established that three periods of enlightenment in the North Caucasus in literature have become a uniform chain of forward development and have led to the post-revolutionary period of national culture and education.

Keywords:

Russian-language enlightenment, complexity of a problem of studying, ambiguity of concept, transformation of traditions, post-revolutionary period, T.Kerashev, A.Evtykh.

Феномен просветительства на Северном Кавказе, как явление социально-культурной жизни адыгов XIX – начала XX веков, стал предметом пристального интереса исследователей начиная с середины XIX века. Об этом свидетельствует

научное творчество ученых разных национальностей Северного Кавказа и России: Л.А. Бекизова, Л.Г. Голубева, У.С. Зекох, М.О. Косвен, Т.Х. Кумыков, М.Ш. Кунижев, А.А. Схалыхо, И.В. Тресков, Ю.М. Тхагазитов, А.К. Хакуашева, Х.Х. Хапсироков, Т.А. Хажхожева, Ш.Х. Хут и др.

Ведущее место в просветительском движении на Северном Кавказе принадлежит известным деятелям культуры и просвещения, начиная с Шоры Ногмова и заканчивая Кази-Беком Ахметуковым, Сафербием Сиюховым и Ибрагимом Цеем – интеллигентами духа, так или иначе объединенными идеями просветительской деятельности.

Проблема ее изучения сложна и не исчерпана в научных исследованиях, несмотря на убедительную панораму художественно-публицистической мысли адыгских просветителей, созданную отечественными учеными трех последних десятилетий XX – начала XXI вв. Сложность проблемы в неоднозначности понятия национального просветительства, его ориентаций, языковых и ментальных опор, принципов периодизации; спорность в оценках роли для национальной культуры, значения русского языка. Необходимо подчеркнуть как сложившуюся особенность факт формирования национальной просветительской интеллигенции в двух направлениях: восточное и русскоязычное, объединившее выходцев из адыгской среды, получивших проарабское или европейски-русское образование, но оставшихся носителями культуры своего народа [1]. Представителей двух направлений роднят патристические побуждения к художественно-публицистическому творчеству во имя родины и ее истории во имя создания литературной летописи народной жизни.

Своеобразие русскоязычного просветительства адыгов определено к концу XIX века. Оно тщательно изучено и сформулировано Ю. Тхагазитовым, доказавшим плодотворность культурного

сотрудничества, значение русского языка для спасения адыгского этноса «перед лицом мощного и жестокого врага» во время кавказской войны [2]. При всей парадоксальности постановки и решения этого вопроса Ю. Тхагазитовым, аргументы ученого держатся на идеях его научных предшественников и с развитием русско-адыгских отношений вплоть до фактов современных культурных интеграционных процессов подтверждают эту выстраданную историческую правоту.

Выход из трагической ситуации в обстановке войны просветители нашли в русской литературе с ее гуманизмом, демократизмом и «всемирной отзывчивостью». Просветителям оказался близок сам тип русской литературы, которая, в отличие от европейских и восточных литератур, не была для своего народа только литературой, став его социологией, историей, этнографией. Таким образом, русскоязычная проза адыгов стала выражением социальных исканий своего народа.

Разделяя точку зрения А. Хакуашева, Л. Голубевой, Ш. Хута, Л. Бекизовой, А. Схалыхо на трудности периодизации адыгейского просветительства XIX века, мы, тем не менее, солидарны с мнением и других ученых относительно обоснованности идеи трех периодов в художественном творчестве адыгов на русском языке и обозначении границ периодов. Наиболее тщательно изучены I и II-й периоды. На рубеже XX-XXI веков активизировалось внимание адыгской науки к третьему периоду национального просветительства, наиболее ярко представленному Ю.Кази-Беком и Паго Тамбиевым [3]. Надо подчеркнуть, вслед за Л. Голубевой и К. Шиковым, значительную роль деятелей русской классической литературы: «Ведь именно они, как пишет К Шиков, первыми познав жестокость связанной русским самодержавием войны, стали создавать свободолобивый гордый образ Черкеса, защищающего свою землю от поработителей и при этом остающегося гуманистом» [4: 25].

Третий период оказался своего рода стартовым для движения русскоязычного просветительства к социально-политическим проблемам в ракурсе народного просвещения горских народов, активизации широкого взгляда на мир за пределами Кавказа, Востока, Азии. Расширяющийся интеллектуальный кругозор, погружение в глубь истории своего народа и рост дружелюбного интереса к другим народам крепили ростки толерантности и миролюбия в идеологии просветителей третьего периода. Эта особенность находила новые формы выражения в синкретизме фольклорных и литературно-публицистических принципов. Этой проблеме отводятся лишь отдельные страницы в исследовании Т.Н. Чамокова [5]. Об этом новом качестве развития русскоязычной адыгской литературы свидетельствует прежде всего художественное творчество Юрия Казибека Ахметукова и Ибрагима Цея, публицистика Сафербий Сиюхова и других просветителей [6].

Таким образом, три периода просветительства на Северном Кавказе среди адыгов-черкесов становились единой цепью, все звенья которой были последовательно связаны и подчинялись динамике и диалектике поступательного развития, накапливая позитивные качества единого процесса и укрепляя задатки абсолютной новизны, с которой начинался послереволюционный период народной культуры и просвещения.

Новый период, как правило, рассматривался в национальной критике в аспекте взаимосвязи литературы и проблем революционного переустройства общества на Северном Кавказе.

Естественно, в публицистике и художественной литературе на первый план выходил герой-революционер, а смысл и содержание его жизни концентрировались на борьбе с политическим врагом и консервативно-реакционными обстоятельствами быта. Задачи собственно про-

светительства отступали на задний план и решались, как правило, вслед за основными, революционно-преобразовательными. Адыгские литературоведы с этих позиций обстоятельно проанализировали национальную прозу 20-х – 30-х годов: Т. Керашева, И. Цея, Х. Гашокова, А. Пшенокова, Дж. Налоева, Х. Теунова и других [7]. Между тем, уже в ряде произведений названных и других авторов немало художественного времени отдавалось решению просветительских задач, делались попытки раскрыть гуманистические проблемы человеческой личности и найти связанные с ними художественные приемы раскрытия особенностей психологического состояния общества. Однако попыткам художественного воплощения популярной темы народного просвещения мешало ее однобоко-публицистическое освоение, слабость конфликтов, их почти фольклорное решение. Более того, ее «замкнутость» на индивидуально-личностных проблемах вызывала подчас негативное отношение у официального руководства национальной литературой 20-х-30-х годов. К примеру, критике подвергались писатели-просветители старшего поколения Сафербий Сиюхов и Ибрагим Цей, некоторые молодые авторы – Исмаил Ашкан, Битлостан Кобле и другие [8]. Просветительскому творчеству предъявлялось обвинение в национализме, абстрактно-религиозном романтизме, игнорировании злободневных революционных задач.

В то же время, вопреки крайностям и идеологическим перегибам в оценке просветительства, его традиции развивались, обретали новые качества в новых социально-исторических обстоятельствах, связанных с революционными процессами первых десятилетий, формировались как новый тип деятельности, отмеченной новизной воплощения революционно-просветительских идей в человеческих характерах.

Новый деятельностный тип просветительства унаследовал, с одной сто-

роны, духовную раскрепощенность, патриотическую направленность на благо Отечества, на сохранение и развитие национальных основ культуры; с другой стороны – воспринял крепнущие тенденции к революционному преодолению препятствий на пути развития межнациональных связей, духовно-нравственного демократизма и толерантности, решения образовательно-просветительских задач, обогащения национальной культуры идеями русского просветительства и мировой культуры. Отсюда неотложность широкого просвещения самого народа посредством создания национальной письменности и школьного строительства, сбора и систематизации исторических и этнографических сведений о горцах, профессиональных занятий литературой, переводческой и публицистической деятельности.

Решение собственно литературных задач влекло за собой освоение новых типов творчества (романтизма, реализма в его модификациях), способствовало углублению основ духовно-нравственной национальной культуры, сохранению и глубокому изучению ее ядра, сбереженного в фольклоре, широкому аналитическому познанию не только прошлого, но и настоящего народов Кавказа.

Модель просветителя нового типа складывалась под влиянием русскоязычного просветительства, несущего опознавательные знаки русской культуры с ее демократизмом и гуманизмом, и восточных культур. Но не менее сильное влияние испытывал общественный деятель нового типа, формирующийся под воздействием прогрессивных идей, будучи вовлеченным в интенсивную работу созидания новой жизни на революционных основах. Революционная и постреволюционная эпоха приблизила к массам и укрепила образовательно-просветительские проблемы, вдохновлявшие публицистику и молодую литературу: судьбы народа, Отечества, культуры, судьбы женщины-

горянки, рабоче-крестьянского люда, нарождающегося как главная движущая сила общества, новая ментальность национальной интеллигенции и др.

Этот своеобразный в социальной истории и культурной биографии период был, можно сказать, погранично-связующим между третьим дореволюционным просветительским и четвертым – революционно-просветительским, соединившим массовую культурно-образовательную работу с социалистическим строительством. Просветительская линия, которую вели с начала XX века И. Цей и С.Сиюхов, обогатилась новыми красками. Главной была практическая деятельность по взаимопревращению «слова» и «дела»: создание алфавита письменного языка, учебных книг (Сиюхов, Барон, Хазетлев, Кубов), литературы, расширение горизонтов видения всечеловеческой культуры, наряду с углублением в собственные национальные проблемы, давно ждавшие своего решения, – к примеру, демократизация жизни общества, освобождение женщины, всеобщее образование, цивилизационные способы вовлечения этноса в создание жизни на новых основах (новая организация труда, общественного и государственного управления и т.п.), – требовало не только идеологического, философского осмысления, но и конкретного практического дела. Подходы к нему были новы и вели молодых смельчаков из демократических сословий (а таково было большинство просветителей) по неизведанным, а потому и тернистым путям.

Как пишет Т. Чамоков, «зарождающаяся социалистическая культура унаследовала многие темы и проблемы национального просветительства... отбрасывание традиций национальной просветительской литературы было бы неправомерным [9: 96].

К этому промежуточному в истории адыгейского просветительства периоду считаем логичным отнести пер-

вые шаги творчества представителей молодого адыгского поколения, каким явился Тембот Керашев. Отличительная особенность этого поколения в том, что, включившись в деятельности на поприще просвещения после революции 1917 года, оно начинало по сути с активной политической, зачастую, революционной деятельности, совмещая задачи революции и прогрессивного, демократического просветительства. Эта яркая особенность литературно-политической деятельности Т. Керашева зафиксирована в научных исследованиях и в рассказах и публицистике писателя [10].

Романы, повести, новеллы Т. Керашева стали адыгской классикой. Но начал Тембот Керашев свой путь писателя как революционный просветитель. В романах «Шамбуль», «Дорога к счастью», «Состязание с мечтой» впервые в адыгей-

ской литературе новаторская идея образа просветителя нового типа, соединяющего концепцию революционной личности с героизмом повседневного мужества в создании новых форм культурной жизни и индивидуального самосознания, нашла художественное воплощение в образах посланца партии Биболета Мозокова и борющейся за освобождение женщины Нафисет Установковой («Дорога к счастью»), писателя Шумафа («Состязание с мечтой»).

Новые грани северокавказского просветительства получили убедительное художественное изображение в романах Аскера Евтыха («Глоток родниковой воды», «Баржа», «Бычья кровь»). Далее в адыгейской литературе интерес в просветительству, обострившись в новых формах за два последних десятилетия, нашел отражение в произведениях И. Машбаша, Ю. Чуюко, Н. Куека.

Примечания:

1. Налоев З. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985. 150 с.
2. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 1996. 220 с.
3. Схалыхо А.А. Писатели-публицисты конца XIX – начала XX в. // История адыгейской литературы: в 2 т. Т. 1 / АРИГИ. Майкоп, 1999. С. 175-188.
4. Шиков К.М. Закономерности развития русскоязычной адыгейской литературы XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол наук. Нальчик, 2006. 25 с.
5. Чамоков Т.М. О преемственности и новаторстве в системе адыгской новописьменной прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 4. С. 69-73.
6. . См. исследования: Бузаров К., Бузаров А. Сафербий Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1996. 192 с.; Схалыхо А.А. Ибрагим Цей. Майкоп, 2000. 704 с.; Шаззо К.Г. Художественная структура конфликтов эпохи и духовно-философские искания личности. Майкоп, 2005. 278 с.; Панеш У.М. Литература изменяющегося мира. Майкоп, 2007. 250 с.; Бекизова Л.А. Литература в потоке времени. Черкесск, 2008. 416 с.
7. Хапсироков Х. Пути развития адыгских литератур. Черкесск, 1968. 250 с.
8. Тлепцерже Х. Критерий – взискательность. Майкоп, 2008. 28 с.
9. Чамоков Т. В ритме эпохи. Нальчик, 1986. 96 с.
10. Панеш У., Мамий Р. Тембот Керашев // История адыгейской литературы: в 2 т. Т. I / АРИГИ. Майкоп, 1999. С. 489-495.

References:

1. Naloyev Z. Sketches on the Adyghes' history of culture. Nalchik, 1985. 150 pp.
2. Tkhangazitov Yu.M. Evolutions of art consciousness of the Adyghes. Nalchik, 1996. 220 pp.

-
3. Skhalyakho A.A. The writers of political essays of the end of the XIX century – the beginning of the XX century // History of the Adyghe literature: in 2 v. V. 1 / ARIGI. Maikop, 1999. P. 175-188.
 4. Shikov K.M. The mechanism of development of the Russian-language Adyghe literature of the XIX – the beginning of the XX century: Dissertation abstract for the Dr. of Philology degree. Nalchik, 2006. 25 pp.
 5. Chamokov T.M. On the continuity and innovation in the system of the Adyghe new written prose // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. Maikop, 2011. Issue 4. P. 69-73.
 6. See the researches: Buzarov K., Buzarov A. Saferby Siyukhov as an Adyghe educator. Maikop, 1996. 192 pp; Skhalyakho A.A. Ibragim Tsey. Maikop, 2000. 704 pp; Shazzo K.G. The art structure of the epoch conflicts and spiritual and philosophical searches of a personality. Maikop, 2005. 278 pp.; Panesh U.M. Literature of the changing world. Maikop, 2007. 250 pp.; Bekizova L.A. Literature in the time flow. Cherkessk, 2008. 416 pp.
 7. Hapsirokov Kh. The ways of development of the Adyghe literatures. Cherkessk, 1968. 250 pp.
 8. Tleptershe Kh. The criterion is strictness. Maikop, 2008. 28 pp.
 9. Chamokov T. In the epoch tempo. Nalchik, 1986. 96 pp.
 10. Panesh U., Mamy R. Tembot Kerashev // History of the Adyghe literature: in 2 v. V. I / ARIGI. Maikop, 1999. P. 489-495.